УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 148, кн. 1 Гуманитарные науки *2006*

УДК 316.334

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ КАК ПРЕДМЕТ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

В.В. Королев, О.И. Зазнаев

Аннотация

В статье осмысливается одно из ключевых понятий социального знания, каковым выступает «социальный институт». Предпринимая обзор научной традиции изучения проблемы социального института, авторы подвергают анализу основные концепты этого феномена, представленные в различных дискурсах и теоретических формах, выявляют зависимость истолкования характера и особенностей применения институционного подхода от специфики отраслей знания, нацеленных на изучение образований, охватывающих большие массы людей. Ставится вопрос об эвристических возможностях различных интерпретаций социального института.

Социальный институт – одно из ключевых понятий современной науки, а его референт числится по ведомству «реального» даже в наиболее радикальных постклассических концепциях: «институты невозможно увидеть, почувствовать, пощупать и даже измерить. Институты – это конструкции, созданные человеческим сознанием. Но даже самые убежденные представители неоклассической школы признают их существование и обычно в качестве параметров включают, в явном или неявном виде, в свои модели» [1, с. 137]. Социальная теория никогда не теряла из виду проблему института, хотя степень внимания к ней варьировала в зависимости от характера доминирующей в тот или иной период историографической ситуации. С 1980-х годов проблема института переживает «ренессанс» [2, с. 3], и сегодня в социальных науках наблюдается «институциональный бум». Это связано, по всей видимости, с вектором движения социальной мысли от структурно-функциональных методологий к постпозитивистским гуманистическим интерпретациям, где «институт» оказался подходящей площадкой для выстраивания некоего компромисса между «структурой» и «волей».

Если оценить состояние изучения этого феномена в целом, то, пожалуй, будет уместна некая аналогия с рестораном (эту метафору применительно к политической науке использовал Г. Алмонд): у всех гостей заведения одно «меню», но сидят они за разными «столиками». Каждая группа ученых интерпретирует проблему института на свой лад и вкус, поэтому «институционализму как академическому подходу, в сущности, угрожает объяснительный эклектизм: слишком много разных определений, слишком много разнообразных характеристик и слишком много смутных концепций, которые часто создаются

искусственно (*ad hoc*)» [3, с. 129]. И неспроста. Если полагать, что у каждой науки, будь она действительно научной, есть свой «последний вывод», то вопрос о социальном институте имеет касательство к ultima ratio не только социологии или социальной философии, хотя к ним и особенно: в различных исследовательских дискурсах институт явлен в виде основной субстанции, посредством которой организуется жизнь социума.

Очевидна этимология понятия «институт», которое восходит к латинскому *institutum* – установление, учреждение, обычай. В римском праве использовалось понятие *institutio* (*institutiones*) – скажем, так была наречена одна из частей свода римского права императора Юстиниана I.

За прошедшие столетия понятие института изменилось, обрело, так сказать, полноценную полисемичность, однако и сегодня в нем сохраняются отголоски тех первоначальных значений, которые придавались ему в латинском языке [5, с. 8–9]. В общекультурном дискурсе этот термин имеет несколько значений: 1) то, что создано, установлено или создается, устанавливается; например, институт обычаев/правил; 2) установленный закон, обычай или практика, например, клуб или сообщество; 3) человек, который стал известен каждому благодаря долгому служению делу; 4) (построение организации) организация с благотворительными целями или для социальной защиты, например, приют для сирот, дом для престарелых [6, с. 323].

Многозначность понятия – вовсе не привилегия языка широких сфер. В современных социальных науках также наблюдается множественная картина в определении понятия «институт». В правовой науке институты понимаются как сугубо юридические установления. В политической науке долгое время институты (в том числе политические) трактовались в известном смысле формально как некая данность общественной жизни, и лишь два десятилетия назад политическая мысль включилась в более тонкие истолкования этого понятия. Социология стала использовать понятие «институт» на рубеже XIX – XX веков и, разумеется, оно оказалось в жёсткой системе понятий, сформулированных на базе позитивной эпистемологии. Институт предстал в этом «соседстве» в виде определенного способа действий и суждений, существующих «объективно», независимо от воли и сознания индивидуумов.

Очевидно складываются две линии, две основные традиции в подходе к феномену института: как установление, норма, принятое правило поведения, либо как организация, учреждение, орган, ассоциация, объединение людей, совокупность чиновников (служащих). В первом случае можно говорить о нормативной, во втором случае – бихевиоральной (организационной) интерпретации института [7, с. 24].

Сегодня в научной литературе доминирует трактовка социального института как нормы. Классическим стало определение Д. Норта: «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [1, с. 17]. Это определение перекликается с трактовкой Т. Парсонса: институты – «всеобщие модели норм, которые очерчивают категории предписанного, разрешенного и запрещенного поведения в социальных отношениях,

для людей в их взаимодействии друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп» [8, с. 177].

Между тем иные специалисты исходят из того, что само по себе правило поведения не образует социального института, у институтов двойственная природа: нормативная и эмпирическая [9, с. 155]. Э. Остром подмечает, что правила, образующие институт, являются рабочими, работающими, действующими (*working*). Она предлагает определять институт как «наборы *действующих* правил (выделено нами – *В.К., О.З.*), которые используются для того, чтобы определить, кто может принимать решения на некой арене, какие акторы разрешены или какие ограничены, какие правила агрегации будут использоваться, каким процедурам необходимо следовать, какой информацией нужно или не нужно снабжать (общество), что получат индивиды в ответ на свои поступки» [10, с. 51].

Нормативное истолкование проблемы института предполагает уточнение: речь идёт о реализованной в повседневной практике нормы поведения, ставшей устойчивой и типичной. Соответственно, институт обретает образ превалирующего и прочного способа мысли или действия, который внедрен в привычки какой-либо группы или традиции народа [7, с. 24], «моделей человеческих отношений, с которых копируются конкретные связи, приобретая, таким образом, характер стабильных, устойчивых и крепких» [4, с. 267].

Итак, институт есть доминирующая норма (в рамках общественных отношений, которые регулируются этим правилом), которая установлена, принята, стабильна, постоянно повторяется в поведении людей. Здесь, собственно, проходит водораздел между нормой и институтом: норма – это правило (требование), институт – такая норма, которая реализована на практике, стала типичной и постоянно повторяющейся. Институционализированная норма – реализованная на практике, внедренная и ставшая привычной. Таким образом, понятие «институт» представляет собой теоретическую абстракцию, в которой отражается результат реализации нормы на практике.

Входят ли в содержание института только нормы или иные элементы общественной практики? Можно выделить узкую и широкую интерпретацию института. Узкая интерпретация проистекает из теории рационального выбора, в соответствии с которой институты представляют собой правила, существующие в форме норм, которые рассматриваются как варианты сознательного выбора акторов. Широкая интерпретация института заключается в том, что институт состоит не только из норм, в него могут включаться элементы практики. Эта социологическая трактовка института нашла свое воплощение в трудах Дж. Марча и Й. Ольсена, которые относят к институтам «установившуюся практику (рутину), процедуры, обычаи, роли, стратегии, организационные формы, технологии, убеждения, парадигмы, моральные нормы, культуру и знания» [11, с. 22]. При такой трактовке, впрочем, возникает опасность размывания самого понятия института, соответственно – утраты им своего эвристического значения.

Различия между двумя подходами могут быть проиллюстрированы на примере шахматной игры. В соответствии с узким толкованием института, шахматы – это игра, которая регулируется институтами в форме правил, а со-

гласно широкой интерпретации, шахматы и есть сам институт (кроме правил включающий еще и стратегию игры, интересы игроков и пр.) [7, с. 6]. Как верно подмечает К. Оффе, «институты определяют правила игры, а также цели, которые в этой игре могут быть достигнуты, *но не ходы* (выделено авторами), которые игроки должны делать в течение игры, оставаясь при этом в рамках институционально определенного пространства возможностей, выбора и стимулов» [9, с. 667].

Однако вряд ли следует всю полноту социальной практики включать в понятие института [7, с. 25]. Слабость широкого подхода заключается в том, что содержание института представлено разноуровневыми и разнопорядковыми компонентами. Более продуктивным представляется подход, при котором выделяется какой-либо основной компонент или существенное свойство, конституирующее некое явление как социальный институт. Это могут быть нормы и (или) какая-то часть социальной практики. П. Холл определяет институты как «формальные правила, согласительные процедуры и действующие на практике стандарты, которые структурируют отношения между индивидами в различных элементах политической системы и экономики» [12, с. 19]. Й. Ольсен относит к институтам «рутину» (установившуюся практику – *routine*) [13, с. 112]. П. Бергер и Т. Лукман определяют институт как «взаимную типизацию опривыченных действий деятелями разного рода» [14, с. 92]. Таким образом, в понятие института надлежит включать только устойчивую, долговременную практику, опирающуюся на нормы.

В неоинституциональных подходах институты зачастую понимаются как правила поведения и способы поддержания этих правил [15, с. 113], в частности, в качестве признака института выделяют использование санкций. Однако с этим мнением нельзя согласиться. Например, семья как институт существует и воспроизводится не столько благодаря санкциям (со стороны государства или супругов), сколько благодаря иным факторам – любви, дружбе, привычке, традиции и пр. Трудно представить, чтобы для сохранения семьи как института в условиях роста разводов государство использовало санкции (исключение составляют те страны, где в соответствии с религиозными канонами женщине не разрешается расторгнуть брак). Стабильность или (возможная) нестабильность института семьи связана отнюдь не с принуждением. Следовательно, использование санкций не является признаком всех социальных институтов. Другое дело, когда речь идет о политических институтах, особенно государственных.

Д. Норт проводит четкие различия между институтами и организациями, хотя между этими понятиями есть общее: подобно институтам, организации структурируют взаимоотношения между людьми, однако «важно четко отделить правила от игроков» [1, с. 19]. Он проводит аналогию с правилами игры в командных спортивных играх, где правила определяют то, как ведется игра. Но цель команды – выиграть игру, сочетая умение, стратегию и взаимодействие игроков, пользуясь честными, а иногда – нечестными приемами. Согласно этой логике, моделирование стратегий и навыков, складывающихся по мере развития команды – это совсем другой процесс, нежели моделирование создания и развития правил и последствий их применения [1, с. 19], а организация – это группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой-либо цели [1, с. 20].

Взаимосвязь между институтами и организациями такова: организации создаются для достижения определенных целей благодаря тому, что существующие институты (ограничения) создают возможности для соответствующей деятельности; в процессе движения к своим целям организации выступают агентами институциональных изменений [1, с. 20]. Действительно, организации являются акторами экономического, политического и пр. процессов, в то время как институты, понимаемые как правила, таковыми быть не могут. Различия между институтами и организациями Д. Норт ставит во главу угла своей концепции институциональных изменений [1, с. 23].

Любая организация не может существовать без норм, в то время как есть нормы, которые не ведут к образованию организации. Понятие организации охватывает своим содержанием поведение индивидов, их интересы, стратегии, систему установок и пр. Ж.-Э. Лэйн и С. Эрссон считают, что понятие института как организации шире, чем понятие института как нормы, поскольку первое включает в себя кроме норм еще и элементы практики [7, с. 26]. Полагаем, что соотношение между этими двумя понятиями не могут быть определены по объему, поскольку организация и институт представляют собой разные явления, хотя и взаимосвязанные между собой.

В свою очередь, К. Оффе проводит различия между организацией и институтом по трем позициям: 1) правила организации касаются двух сторон (работодатель и работник), в то время как институциональные правила – трех сторон, т. е. установлены и обеспечиваются принуждением «третьей стороны», не являющейся частью институционального взаимодействия; 2) эти правила подчинены преследуемым организацией целям, но в институтах они стоят на одной и той же логической плоскости; 3) правила организации более ограничены по своему объему, кругу лиц и воздействию на людей, для которых они предназначаются; они ограничены степенью свободы действий, которую институты (такие, как право собственности, брак, политические партии) предоставляют организациям в области борьбы за свои цели [16, с. 203].

Иные авторы предлагают разграничивать понятия «институт» и «организация» исходя из уровня абстрагирования: институты (система правил) – макроуровень; организации (группы индивидов, более или менее формально конституированные и преследующие определенные коллективные цели) – мезоуровень; акторы (индивиды, действующие с определенной целью) – микроуровень [17, с. 6]. Р. Алфорд и Р. Фридленд также рассматривают институт на макроуровне. Понятие «институт», по их мнению, относится к модели «супраорганизационных» отношений – политике, семье, экономике, религии, культуре [18, с. 16].

Трактовка социального института как устойчивого типа поведения весьма «критикабельна», поскольку человеческое поведение само по себе не является ни правилом, ни организацией. Очевидно, что понятия «институт» и «поведение» связаны между собой. С. Хантингтон отмечает, что институты – это стабильные, значимые и воспроизводящиеся модели поведения [19, с. 12]. Р. Гудин повторяет это определение и указывает, что центральная черта институционализации – стабильный, без конца повторяющийся в форме образцов тип поведения, который осуществляется внутри институтов и благодаря им [20,

с. 21, 22]. Институционализм – процесс, благодаря которому организации и процедуры приобретают значимость и стабильность. В институционализированной среде поведение более стабильно и предсказуемо [20, с. 21, 22]. Институты – это пути (способы), по которым политическое поведение глубоко внедряется в институциональную структуру правил, норм, ожиданий и традиций [11, с. 5].

Трактовка института как образца (модели, шаблона) поведения сближает этот взгляд с точкой зрения, согласно которой институт есть правило поведения. Правила поведения информируют людей о том, как себя вести, от каких поступков необходимо воздерживаться, что будет, если человек совершит предосудительные действия и т. п. В этом смысле правила представляют собой образец для копирования приемлемого (правомерного, соответствующего общественному мнению и пр.) поведения. Общественная жизнь включает в себя и правила, и поведение; эти явления смешивать нельзя.

Подход к социальному институту как убеждению, верованию, мнению, символу восходит к Э. Дюркгейму. Он полагал, что институты – это некие идеальные образования в форме обычаев и верований, которые, в свою очередь, материализуются в практической деятельности социальных организаций различных времен и народов [21, с. 283–284]. Этот подход представлен в трактовке А. Вильдавски, согласно которой институты конституируют и легитимизируют политических акторов и предоставляют им четкие поведенческие правила, понятия реальности, стандарты оценок, эмоциональные связи, дарования и, таким образом, дают им способность к целевой деятельности [13, с. 112].

Действительно, в понятии социального института кроме формального (институт есть некая организационная форма) и функционального (институт обеспечивает реализацию долговременных, общественно значимых целей) аспектов выделяется когнитивный аспект: содержанием института является совокупность принимаемых большинством членов общества представлений о природе и назначении институционализируемой сферы социальной жизни, а также о целесообразности данной формы ее институционализации. Однако сводить все содержание понятия «социальный институт» к когнитивной стороне было бы некорректно, поскольку институт есть объективно существующая часть социальной реальности в форме норм или организаций, а не только некая совокупность представлений.

Общим для всех школ и подходов неоинституционализма является тезис о том, что «институты важны» [7, с. 9], поскольку их функционирование приводит к определенным политическим, социальным и экономическим результатам, таким как политическая стабильность, устойчивая демократия, экономический рост, социальное равенство и пр. Как отмечает Д. Норт, институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь, организуют взаимоотношения между людьми, определяют и ограничивают набор альтернатив, которые имеются у каждого человека. Предназначение институтов заключается отнюдь не в том, чтобы обеспечить эффективность. Скорее всего, они создаются для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил [1, с. 18, 33].

Институты воздействуют на поведение индивидуальных и социальных акторов прямо или косвенно, формируют способность к целенаправленному действию [13, с. 112], воздействуют на выбор стратегии поведения и способа достижения цели. Институты дают основания для определения того, кто является «законным» актором, регулируют количество акторов и порядок действия, устанавливают, какой информацией о намерениях других сторон они могут располагать [9, с. 162].

Если исходить из подхода Д. Мэдисона, согласно которому люди организуются в группы, чтобы защитить имеющиеся интересы, то политические институты можно интерпретировать как средства (механизмы, способы, устройства – *devices*) для сдерживания отклоняющегося поведения среди политических элит. Политические группы преследуют определенные интересы в рамках взаимодействия, установленного политическими институтами. Институты ограничивают индивидуальное поведение – вот основная идея [7, с. 56].

А. Лейпхарт видит значение институтов в том, что они переводят предпочтения граждан в публичную политику [22, с. 3]. В социальных науках по-разному рассматривают характер взаимодействия акторов и институтов. Согласно экономическому подходу, институты определяют обмен, но не оказывают никакого влияния на имеющиеся предпочтения, которые акторы сами определяют, стремясь получить максимально возможную выгоду [9, с. 162–163]. Иной подход – социологический и социально-философский – сводится к тому, что институты диктуют акторам, каким предпочтениям следовать в той ситуации, в которой они оказались. Институты, отмечают Дж. Марч и Й. Ольсен, имеют свою собственную логику, отличную от логики экономической и социальной жизни, т. н. «логику соответствия» (logic of appropriateness) [23, с. 333]: в условиях существования готовых институтов, которые предлагают людям шаблоны поведения, человек не рассчитывает, какое именно действие в большей степени соответствует его интересам. Вместо этого он задает себе вопрос «Кто я такой?» (судья, биржевой маклер, медсестра, заключенный, ученый) и думает о тех действиях, которые соответствуют его положению в сложившейся ситуации (защита справедливости, увеличение богатства, уход за больными, стремление избежать правосудия, поиск истины) [9, с. 163]. Итак, согласно рассматриваемому взгляду, институты не только воздействуют на предпочтения акторов, но и некоторым образом создают их. Оба подхода страдают изъянами: если для экономического подхода характерна недооценка социального фактора в становлении предпочтений действующих лиц, то для социально-философского – его переоценка [9, с. 164]. Впрочем, это вполне укладывается в критерии валидности, поскольку любой научный дискурс внятно отграничивает поле своего бытийствования.

Собственно, современная научная картина, складывающаяся в связи с интерпретациями проблемы социального института, свидетельствует о том, что социальная мысль всё более втягивается в те процессы, которые характеризуют движение всего строя наук о человеке на рубеже XX – XXI веков, а именно, обретение этими науками статуса наук о субъективности. На этом пути неизбежны крайности и издержки, которые оборачиваются тем, что создаётся опасность утраты социологическим дискурсом своей «самости», растворения его в

более «мягких» дискурсивных аналитических практиках – той же социолингвистики, дискурсивной психологии, психоистории и т. д.

Всё же у социологии – свои подходы и каноны, выведение за пределы которых одного из центральных понятий этой науки, каковым выступает социальный институт, представляется нецелесообразным. Другое дело – использование собственно социальных истолкований «института» в модусе полипарадигмальности с целью создания конвенциональной методологической констелляции для решения определённого круга исследовательских задач.

Summary

V.V. Korolev, O.I. Zaznaev. A social institution as an object of contemporary scientific interpretations.

The article essays a social institution, one of the key concepts of social knowledge. The authors review the scientific tradition in the study of a social institution and analyse the main views on this phenomenon, which exist in different discourses and theoretical forms. They explore the correlation between an explanation of the character and peculiarities of institutional approach, on the one hand, and peculiarities of branches of knowledge, on the other hand. These branches of knowledge aim at the study of constructs consisting of large amount of people. The article raises a question of heuristic possibility of different interpretations of a social institution.

Литература

1. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
2. *Beyme K. von.* Institutional engineering and transition to democracy // Zielonka J. (ed.) Democratic consolidation in Eastern Europe. V. 1. Institutional engineering. – Oxford and N. Y.: Oxford University Press, 2001. – P. 3 24.
3. *Keman H.* Political institutions and public governance // Czada R., Héritier A., Keman H. (eds.) Institutions and political choice. On the limits of rationality. – Amsterdam: VU University Press, 1998. – P. 109–133.
4. Категории политической науки. – М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2002. – 656 с.
5. *Быченков В.М.* Институты: Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. – М.: Рос. акад. соц. наук, 1996. – 975 с.
6. *Хорнби А.С.* Учебный словарь современного английского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 769 с.
7. *Lane J-E., Ersson S.* The new institutional politics: Performance and outcomes. – London and N. Y.: Routledge, 2000. – 329 p.
8. *Parsons T.* Structure and process in modern societies. – Glencoe, Ill.: Free Press, 1960. – 344 p.
9. Политическая наука: новые направления / Научн. ред Е.Б. Шестопал. – М.: Вече, 1999. – 816 с.
10. *Ostrom E.* Governing the commons: the evolution of institutions for collective action. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 280 p.
11. *March J., Olsen J.* Rediscovering institutions: The organizational basis of politics. – N. Y.: The Free Press, 1989. – 228 p.

12. *Hall P.* Governing the economy: the politics of state intervention in Britain and France – N. Y.: Oxford University Press, 1986. – 341 p.
13. *Czada R., Héritier A., Keman H.* (eds.) Institutions and political choice. On the limits of rationality. – Amsterdam: VU University Press, 1998. – 299 p.
14. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: МЕДИУМ, 1995. – 322 с.
15. *Радаев В.В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2001. – Т. IV, № 3. – С. 109–130.
16. *Offe C.* Designing institutions in East European transitions // Goodin R.E. (ed.) The theory of institutional design. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 199–226.
17. *Sweet A.S., Sandholtz W., Fligstein N.* The institutionalization of Europe. – Oxford and N. Y.: Oxford University Press, 2001. – 273 p.
18. *Alford R.R., Friedland R.* Powers of theory: capitalism, the state, and democracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 502 p.
19. *Huntington S.* Political order in changing societies. – New Haven and London: Yale University Press, 1968. – 482 p.
20. *Goodin R.* Institutions and their design // Goodin R.E. (ed.) The theory of institutional design. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 1–53.
21. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 572 с.
22. *Lijphart A.* Democracies: Patterns of majoritarian and consensus government in twenty-one countries. – New Haven, Conn.: Yale University Press, 1984. – 229 p.
23. *March J., Olsen J.* Institutional perspectives // Brown B.E. Comparative politics: Notes and readings. 9th ed. – Fort Worth: Harcourt College Publishers, 2000. – P. 332–342.

Поступила в редакцию
13.01.06

Королев Валерий Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Казанского государственного университета.

Зазнаев Олег Иванович – кандидат политологических наук, докторант кафедры политологии Казанского государственного университета.